

(VII, 144). В итоговом заключении, обращенном к сочинителям, Любослов остается на уровне требований риторической школы Ломоносова. Именно на стиль ораторской прозы ориентирует он писателей, когда заявляет: «...совершенное сочинение только то называться может, которое в изображении известной материи достаточно, приятным различием в предложении слов и мыслей украшено, сильными мыслями и словами им сообразными обогачено и чисто в свойствах Российского языка» (VII, 146). Повторяя по-своему мысли Ломоносова, автор именно в достоинствах языка черпает основание для утверждения идей национального самосознания: «Что же касается до преимуществ Российского языка, то, не обинуясь, утвердиться можно, что он избытком, красотой и важностью превосходит все новейшие языки» (VII, 148). И как бы в подтверждение этого тезиса в заключении статьи Любослов приводит таблицу лексических пар, устанавливающую родственность «Славенского» языка, предшественника русского литературного языка, с латинским, в ряде случаев прямо повторяя наблюдения, содержащиеся в статье В. П. Светова.

Статья О. П. Козодавлева, отмеченная явным дилетантизмом, носила сравнительно частный характер. Помещенная в последней книжке «Собеседника», она, согласно наблюдению С. М. Некрасова, представляла собой доклад, прочитанный автором на заседании Российской академии 9 августа 1784 г. «Мнение члена академии господина Козодавлева о употреблении букв З и С».¹²

Значительно больший интерес представляют материалы критического характера. Речь идет о статьях, в которых постановка стилистических и языковых проблем вытекает из предпринимаемых авторами оценок других сочинений, опубликованных на страницах «Собеседника». Появление подобных статей было спровоцировано самой редакцией журнала. В конце первого номера «Собеседника» было помещено письмо издателей, в котором читателям предлагалось стать арбитрами публикуемых на его страницах материалов: «Ежели кто хочет написать критику на какое-либо сочинение, находящееся в сем собрании, не искать других типографий к напечатанию таковых критик или сатир, но присылать оныя прямо к издателям сего Собеседника или на имя Ея Сиятельства княгини Екатерины Романовны Дашковой, которая, конечно, прикажет оныя без наималейшей перемены напечатать...» (I, 160). При этом конечная цель таких критических корреспонденций мыслилась в том, «чтоб Российское слово вычищалось, процветало и сколь возможно служило к удовольствию и пользе всей публики...» (там же). Этот сти-

¹² Некрасов С. Российская академия. М., 1984. С. 67.